

2009.03.009. АНТИЧНОСТЬ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА. XII Лосевские чтения: К 85-летию А.А. Тахо-Годи (по материалам юбилейной междунар. конф., состоявшейся 15–18 окт. 2007 г. и организованной Культурно-просветит. общ-вом «Лосевские беседы», Б-кой истории рус. философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», науч. советом «История мировой культуры» РАН / Отв. ред. Тахо-Годи Е.А., Эдельштейн М.Ю.; Сост. Тахо-Годи Е.А. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 184 с.

Аза Алибековна Тахо-Годи (р. 1922) – доктор филол. наук, заслуж. проф. МГУ, автор трудов по классической филологии, рецепции античности в русской литературе<sup>1</sup>.

В открывающей сборник статье «Отношение к античности у Густава Шпета и Алексея Лосева» сопоставительный анализ воззрений этих мыслителей на античность позволяет М. Денн (Бордо, Франция) очертить проблематику, связанную с учением о разновидностях культур в рамках единой Европы. По мысли Шпета, основа европейской культуры – античность, тогда как Россия была изначально оторвана от ее наследия: Россия «стала христианской, но без античной традиции и без исторического культуропреимства. Балканские горы не дали излиться истокам древней европейской культуры на русские равнины»<sup>2</sup>. М. Денн утверждает, что Византия, и через нее христианство, сыграли конституирующую роль для русской культуры. То, что античность (т.е. древняя греческая культура) была введена в Россию через Византию – это факт, который изначально обеспечил России и место в Европе, и особенный вид существования внутри нее. А. Лосев нигде не излагал подобные взгляды систематически в какой-либо специальной работе, но анализ фрагментов, рассредоточенных в разных его сочинениях, позволил М. Денн выявить вклад ученого в осмысление онтологиче-

---

<sup>1</sup> См.: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. – М., 1989; 1993; Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон и Аристотель. – М., 1993. Под ред. и с комментариями Тахо-Годи вышло Полное собр. соч. Платона на рус. яз. (1990–1994); она является автором и редактором учебника «Античная литература» (переизд.: 1963–1986), а также книг: «Античные риторика». – М., 1978, «Античные гимны». – М., 1988.

<sup>2</sup> Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. – М., 1989. – С. 28–29.

ского вопроса об отличиях России и Запада: оказывается, что эти различия коренятся «не вне Европы, а внутри нее. Они обосновываются наличием внутри европейской культуры различных видов отношения к античности и самим способом приобщения каждого из них к бытию» (с. 25).

«Ассирия и Вавилон в поэзии старших символистов» – тема статьи В. Емельянова (С.-Петербург). Древняя Месопотамия была открыта в русской литературе В.Я. Брюсовым. Его стихотворение «Ассаргадон» (1899), имеющее подзаголовок «Ассирийская надпись», представляет собой «стандарт типичной вавилоно-ассирийской царской надписи. Разница лишь в том, что Брюсов делает надпись посланием к соседям, в то время как подлинник обращается к ассирийцам грядущих поколений» (с. 42). Ассирия, по мнению автора статьи, близка Брюсову в той же степени, что и Рим: «ассирийско-римское начало противостоит в нем непонятой библейской и чуждой греческой культуре» (с. 43). У брюсовской ассирийской темы есть не только социальный, но и гносеологический аспект. Поэт превозносит разум жителей Месопотамии, открывших меры исчисления времени, бывших первыми астрономами и астрологами в истории человечества («Халдейский пастух»). В поэтическом творчестве Брюсова, отмечает исследователь, вавилоно-ассирийская тема предстает в нескольких ракурсах. Во-первых, это образ его собственного величественного одиночества и предупреждение возможным соперникам, что им не следует сравнивать себя с ним. Во-вторых, это мотив Ассирии как крови и бунта с последующим воспеванием революционных разрушений. В-третьих, это оккультно-философский образ Вавилона как факела, зажженного от таинственной Атлантиды, как места накопления знаний о высших сферах.

В произведениях и статьях К.Д. Бальмонта Месопотамия предстает не в социальном или философском, а в сугубо эстетическом аспекте: вклад поэта в ознакомление русского читателя с наследием древней Месопотамии не имеет себе равных. Именно он перешел от творческих переработок месопотамских подлинников к переводу (хотя и с западных языков) самих этих текстов. Особое значение для русской культуры имел его перевод вавилонского заговора «Семеро их, семеро их...», положенный С.С. Прокофьевым в основу одноименной кантаты (1918). Образы Ассирии и Вавилона (Халдеи), сформированные старшими символистами (миную

младших – А. Блока и А. Белого эта культура не занимала), перешли к акмеистам как традиционные и соотносимые, с одной стороны, с идеей власти, войны, закона и насильственно установленного порядка, а с другой – с идеей познания тайн неба и мира мертвых.

В статье «Гексаметр и пентаметр в творчестве поэтов Серебряного века» Ю. Орлицкий констатирует возрождение интереса к античному стиху в самом конце XIX в., когда «параллельно развиваются три подхода к гексаметру» (с. 58): *консервативно-стилизаторский* подход, в рамках которого, как правило, достаточно строго соблюдаются формальные требования и семантика так или иначе связывается с античностью (Д. Мережковский, Вяч. Иванов, А. Блок, В. Брюсов, М. Волошин); *модернизирующий* подход, предполагающий менее точное соблюдение формальных ограничений, а в смысле семантики – практически неограниченный диапазон тем и мотивов (В. Брюсов, В. Ходасевич, В. Набоков); своего рода *неоироника* (Саша Чёрный, О. Мандельштам, П. Радимов, газетные и журнальные сатирики и юмористы).

«Лиризацию символистской трагедии на античный сюжет» прослеживает И. Приходько, обратившись к творческим опытам и теории Ин. Анненского (трагедии «Меланиппа-философ», 1901; «Царь Иксион», 1902; «Фамира-кифаред», 1909), Вяч. Иванова (трагедии «Тантал», 1905; «Прометей», 1915; мелопея «Человек», 1919), Ф. Сологуба (драма «Дар мудрых пчел», 1907). «Авторизация» сюжета создается за счет его психологизации у Анненского (который ориентировался на психологизм Еврипида), «символизации философской мысли» у Вяч. Иванова, тяготевшего к монументализму и патетике Эсхила, и «сквозного мифопоэтического символа» у Сологуба (с. 75). Каждый из них, по мысли автора статьи, остается во власти лирической стихии, усиленной стихией музыки и призванной эмоционально приобщить зал к происходящему действию. При этом характерное для этих драматургов тяготение к мистерии лишь усиливает лирическое начало. Миф в соотношении с контекстом их творчества служит способом раскрытия индивидуальной, «лирической философии». Исключение составляет В. Брюсов, который не стремился создать авторскую версию мифологического сюжета (трагедия «Протесилай умерший», 1913).

«Античный контекст стихотворения В.И. Иванова “Душа сумерек”» раскрывает Н. Сегал (Рудник) (Иерусалим, Израиль), со-

поставляя его с лермонтовским мотивом «сумерек души» в стихотворении «1831 июня 11 дня». Уверенность в зависимости человека от божественных сил, в постоянной связи с ними наполняет атмосферу ивановских сумерек (как и всей книги «Прозрачность») чувством радости, которые «противоречат драматическому и трагическому» (с. 101). В этом проявляется глубокое понимание Ивановым основного мироощущения античности.

К теме «Вергилий у акмеистов» обращается О. Ронен (Анн Арбор, США). Римский поэт воспринимался Гумилёвым, Ахматовой и др. не только прямо, но и опосредованно, через Данте, как его вожатый и «как медиатор между Гомером и Данте, между античной и новой словесностью, между язычеством и христианством (в качестве автора IV эклоги)», и – «между живыми и мертвыми, между памятью и пророчеством» (с. 104). Н. Гумилёв избрал у Вергилия тему странствия и войны как залога райского блаженства; А. Ахматова – покинутую Дидону, жертву славы и победы; О. Мандельштам – преодоление смерти памятью в загробном мире (хотя Вергилий играет в его творчестве гораздо меньшую роль, чем Катулл и Овидий).

В статье «Античность в поэзии Николая Бахтина. Предварительные замечания» С. Гардзонио (Пиза, Италия) отмечает в поэтическом дневнике 1923–1924 гг. Н. Бахтина особую лирическую интонацию, переданную как бы необработанным стихом и «сырой» лексикой. Представление первобытности и безвременности «импрессионистически усиливается безлюдностью пейзажа, словно отражающей героическое создание нового мира, нового космоса из хаоса стихии и поэтической памяти лирического героя» (с. 132). Главная идея – неразрывная связь нового мироздания с древним, классическим миром, идея возрождения античного изначального мифа. В лирических фрагментах мелькают античные образы и мотивы, передающие представление о возрождении изначального поэтического, словесного мира. Отсутствует чисто эстетическое восприятие античности, ее гармонии. Возвращение к эллинскому миру Бахтин видит «не через призму римско-эллинской культуры (как это было в итальянском Возрождении), не в представлении об античности как синониме “гармонии” (как считали Винкельман и Гёте), даже не в концепции трагичности античного мира у Ницше».

В центре поэзии Н. Бахтина – «обреченность героя, его примирение с бессмысленностью жизни» (с. 135).

В статье «Константин Вагинов и античность» Д. Сегал (Иерусалим, Израиль) указывает на существенные отличия вагиновской интерпретации античности от ее понимания и Вяч. Ивановым, и О. Мандельштамом. Вяч. Иванова в античности привлекал дионисийский пласт. У Мандельштама – «“домашний эллинизм”, который он чувствует в русском языке, а “вещи” (“археологические остатки” – монеты, глиняные черепки, кости) суть метафоры слов». Для Вагинова же «эллинизм» – «это способ существования его как человека и поэта, а слова – суть метафоры старинных монет, украшений и проч.» (с. 150).

В сборнике также опубликованы статьи: «Платонизм в оценке Николая Бердяева» (о. В. Иванов; Мюнхен, Германия), «Вяч. Иванов о наследии Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа» (К. Лаппо-Данилевский; С.-Петербург), «Ника Самофракийская: два языка – два образа (Павликовска-Ясножевска в переводах Ахматовой)» (А. Полонский; Белгород), «“Я изучала греческие статуи и античные вазы”: Максимилиан Волошин и Айседора Дункан» (У. Перси; Бергамо, Италия), «Орфические источники поэмы А.М. Ремизова “Золотое подорожие”» (Е. Обатнина; С.-Петербург), «Р.В. Иванов-Разумник. Письмо “об Аристофане подлинном и переаристофаненном”» (В. Белоус; С.-Петербург), а также краткий обзор (автор – М. Эйдельштейн) неопубликованных в сборнике выступлений участников конференции.

*Т.Г. Петрова*